

Что мы должны друг другу?

Пандемия показала, как сильно ослабли чувства взаимной ответственности и социального доверия. Что важно сейчас?

Появление штамма «Омикрон» накануне сезона зимних праздников привело к новому росту числа зараженных и госпитализированных в богатых странах мира, вновь заставив обратить внимание на проблему сомнений в пользе вакцинации (или – во многих случаях – прямого отказа прививаться, как, например, в случае с сербским теннисистом Новаком Джоковичем).

Невакцинированным по-прежнему грозит опасность, которую можно было бы избежать, а раздраженные люди, сделавшие по две и три дозы, гадают, когда же их будет достаточно. Хуже того, миллиарды людей в развивающихся странах до сих пор не имеют доступа к вакцинам, что стало катастрофическим – и пока что не исправленным – провалом в работе международной системы.

Сейчас, в момент острого кризиса, власти должны решать наиболее неотложную проблему: невакцинированные люди, на долю которых будет и дальше приходиться наибольшее количество случаев смертей и госпитализации из-за Covid, открывают перед вирусом широкие возможности для потенциально опасных, новых мутаций.

Но, помимо этого, власти должны также заняться решением проблемы в корне. Сомнения в вакцинации – это не изолированный вопрос, а симптом главной болезни нашего времени: нарушен общественный договор, что привело к обвалу общественного доверия к государственным институтам во многих странах.

Общественный договор. Введение в предмет

Общественный договор – это базовый набор правил, норм и взаимных обязательств, которые связывают граждан, компании, гражданское общество и государство. Проще говоря, общественный договор определяет, что мы должны друг другу. В узком контексте

пандемии он определяет степень, в какой индивидуальные предпочтения могут превалировать над коллективными интересами. Будут ли люди считать себя обязанными вакцинироваться, носить маску или самоизолироваться в случае заражения, это не эпидемиологический вопрос, а общественно-политический.

Впрочем, общественный договор «управляет» намного более широким кругом общих проблем, определяя рамки для бесконечного ряда взаимодействий между людьми. Например, кто в обществе должен заниматься уходом за детьми? Должна ли этим заниматься семья, воспитывая детей дома? Или же уход за детьми должны предоставлять компании? Должно ли оказывать поддержку государство, в частности, с помощью таких мер, как оплачиваемый отпуск по уходу за детьми?

Такие же вопросы связаны со здравоохранением. Должна ли ответственность по оплате расходов на лечение ложиться на плечи граждан, работодателей, страховщиков или же государства? Следует ли ожидать от работодателей контрактов с регулярными часами работы и соцпакетом (включая пенсию и оплату больничных), или же работники должны метаться от одного заработка к другому, при этом каждый будет устраивать свое будущее самостоятельно?

В более традиционных обществах условия общественного договора обычно выполняются семьями и местными сообществами, в то время как современные общества наделяют более важной ролью рынок и государство. Тем не менее во всех обществах от дееспособных взрослых ожидается внесение вклада в общее благо в обмен на уход, когда они дети, старики или инвалиды.

Смысл государственных льгот и пособий в том, чтобы помочь гражданам процветать и полностью реализовать свой потенциал в качестве членов общества, вносящих вклад в его развитие. Ожидается, что те, кто получает, будут отдавать. Если дееспособный человек ведет жизнь нахлебника, ничего не отдавая взамен, такое нарушение общественного договора может одновременно лишить этого человека чувства принадлежности и ослабить доверие и ощущение общей цели у общества в целом. Подобные нарушения не только портят индивидуальную жизнь граждан, но и ослабляют связи, которые объединяют общество.

Трескающийся фундамент

В большинстве современных стран общественный договор был основан на общих идеях, которые, возможно, перестали быть

верными. Традиционно считалось, что все семьи будут финансово поддерживаться мужчиной, который зарабатывает на хлеб, пока женщины ухаживают за детьми и престарелыми.

Ожидалось, что люди будут женаты до самой смерти, а растить детей – только в браке. Что у мужчины будет постоянная занятость, и в течение трудовой карьеры они сменят не больше пары-тройки работодателей. Считалось, что образования и навыков, полученных в школе, будет достаточно на всю жизнь. А те, кто дожил до пенсии, будут нуждаться в поддержке лишь несколько лет, а затем умрут.

Эти идеи до сих пор лежат в основе многих пунктов общественного договора, несмотря на их возрастающий отрыв от реальности. Почти половина женского населения мира сегодня входит в состав рабочей силы (хотя между регионами сохраняется значительная разница). В богатых странах разводами завершается от трети до половины всех браков. Хотя показатели разводов в большинстве развивающихся стран сегодня ниже, они демонстрируют тенденцию к росту. Все больше детей рождается вне брака.

Кроме того, в течение жизни усредненный работник сегодня меняет место работы намного чаще, чем работники предыдущих поколений. Эта тенденция, скорее всего, будет ускоряться на фоне изменений в технологиях. Пока развивающиеся страны с трудом пытаются привлечь больше работников в формальный сектор занятости, наблюдается явное расширение неформальных отношений на рынке труда в богатых странах, где все больше и больше людей соглашаются на нестабильную работу с немногими социальными льготами или вообще без них.

Гендерный и технологический факторы

У этих перемен есть множество причин, но на сегодня двумя главными факторами являются: изменение гендерных ролей, нарушившее традиционную систему ухода за детьми и престарелыми, и появление технологий, которые радикально меняют труд и сферу образования. Оба фактора продолжают оказывать воздействие, а, кроме того, ожидается не мало других радикальных изменений. Во многих странах наблюдаются серьезные демографические изменения из-за миграции и старения населения. Хуже того, изменение климата грозит переворотом всей экономики и образа жизни.

Несмотря на эти бурные тенденции, многие из которых впервые были отмечены десятилетия назад, мы не изменили условия нашего общественного договора. В результате возникло путающее людей и все более неприемлемое несовпадение между ожиданиями граждан и реальностью. Когда общество перестает предоставлять ранее обещанное, и когда граждане узнают, что их вклад перестал вознаграждаться так же, как раньше, неизбежным образом появляются недоверие и отчуждение.

Подобные нарушения договора можно наблюдать во многих странах, что помогает объяснить нынешнее недовольство и беспорядки намного полнее, чем часто встречающиеся объяснения стагнацией и снижением уровня жизни. На первый взгляд эти объяснения выглядят схожими, но в конечном итоге последнее оказывается неадекватным. Нет сомнений в том, что неравенство и бедность связаны с целым рядом социальных болезней, но только этим нельзя объяснить распространение политического экстремизма, теорий заговора, наркомании и отказов вакцинироваться среди представителей среднего класса в богатых странах мира.

Эпидемия одиночества и депрессии у зажиточного, образованного населения свидетельствует о большей роли социального отчуждения, а не материальных лишений. Личное благополучие сильно зависит от ощущения принадлежности у человека и понимания, что он вносит вклад в общество. А это именно то, чему должен помогать общественный договор.

Назад к чертежной доске

Совершенно очевидно, что общественный договор нуждается в пересмотре. Но с какой целью? В начале XX века пионер в развитии социологии Беатриса Вебб (она была одним из основателей Лондонской школы экономических и политических наук, которую я сейчас возглавляю) объясняла, что общественный договор должен:

«... гарантировать национальный минимум цивилизованной жизни ... открытой для всех в равной степени, для обоих полов и всех классов, и под которой мы понимаем достаточный уход и обучение, когда вы молоды; прожиточный доход, когда вы дееспособны; лечение, когда вы больны; и умеренные, но надежные источники существования, когда вы стали инвалидом или состарились».

Данное Вебб определение справедливого договора между обществом и гражданином сегодня столь же актуально, как и в то время. Оно

содержит три главных принципа, которые должны лежать в основе любого нового общественного договора XXI века: минимальная экономическая защита для всех; максимальные инвестиции в человеческий потенциал; более широкое обобществление рисков.

Минимальная экономическая защита для всех означает, что каждое общество должно установить порог, ниже которого не могут падать доходы человека. Есть множество инструментов, способных обеспечить такой доход – от программ денежных пособий в развивающихся странах до налоговых льгот работникам с низкими зарплатами в развитых странах.

Впрочем, минимальная защита должна также включать доступ к базовым услугам здравоохранения, к пенсиям (чтобы избежать нищеты в старости), оплачиваемым больничным и страхованию от безработицы, причем вне зависимости от типа трудового контракта. В развивающихся странах нужно привлекать больше работников в формальный сектор занятости; а в богатых странах нужно требовать от работодателей социальных выплат для работников, которые трудятся не на постоянной основе, пропорционально объемам выполняемой ими работы.

Последний пункт крайне важен, потому что он акцентирует внимание на необходимости гибкого общественного договора, способного адаптироваться. Защита рынка труда не означает, что он должен стать негибким. Более того, идеальной является ситуация, когда высокая степень защиты сочетается с высоким уровнем гибкости. Бывший премьер-министр Дании Поуль Нюруп Расмуссен назвал это *flexicurity* («гибкая социальная защита»). Неизбежная революция в трудовых отношениях и технологические перемены требуют от нас поиска такого баланса.

Требуются усилия всей деревни

Вторым принципом – максимальные инвестиции в человеческий потенциал – слишком часто пренебрегают. В бедных странах и бедных районах богатых стран потенциально талантливые кадры обычно теряются из-за неадекватных экономических возможностей, которые необходимы для социальной мобильности, а значит, и для поддержания силы общественного договора. Как правило, недовольство сильнее всего в тех странах, где перспективы будущего улучшения жизни граждан низки или недавно снизились. В странах Скандинавии требуется два или три поколения, чтобы подняться со дна пирамиды распределения доходов до ее середины; в США и Великобритании сегодня требуется пять поколений; в ЮАР и

Бразилии – девять.

Особенно сильная концентрация потерянных талантов наблюдается у женщин, меньшинств, а также у детей, которые родились в семьях или районах, где они не имеют возможности применить свои способности. Не создав условия, которые дают возможность всем реализовать свой потенциал, общество подводит не только малоимущие группы населения, но и всех остальных.

В США от 20% до 40% прироста производительности в период 1960-2010 годов можно объяснить более полным раскрытием потенциала талантливых кадров в обществе. Отказавшись ориентироваться лишь на узкую группу белых мужчин, и благодаря изменениям в законах и нормах, работодатели смогли выбирать из намного более широкой группы профессионалов, предоставляя рабочие места тем работникам, которые лучше всего для них подходят.

Точно так же общество, предоставляющее возможности роста детям с высоким потенциалом из непривилегированных групп населения, сможет пожать значительные плоды в сфере инноваций. Как отмечается в исследовании, проведенном Центром экономической эффективности при Лондонской школе экономики, если бы талантливые дети из бедных семей («потерянные Эйнштейны») стремились получать патенты в таких же масштабах, как и столь же талантливые дети из богатых семей, тогда количество инноваций в США увеличилось бы в четыре раза.

В дополнение к инвестициям в первые годы жизни человека успешные общества XXI века будут активней гарантировать равный доступ к образованию, может быть, с помощью пожизненного эндаумента для оплаты обучения в университете или, например, с помощью профессионального обучения в течение трудовой карьеры, которая будет намного длиннее. Хотя большинство стран выровняли возможности в сфере образования, женщины до сих пор находятся в менее выгодном положении на рабочих местах, потому что они выполняют в среднем на два часа больше неоплачиваемой работы (по дому и уходу за близкими) в день, чем мужчины. Более щедрые отпуска по уходу за детьми, государственное финансирование поддержки семей, более справедливое распределение труда дома – все это позволило бы процветать талантливым женщинам, что принесет пользу всему обществу в целом.

Наконец, общественный договор должен расширить обобществление рисков. Слишком большая часть этого бремени

ложится на граждан, хотя коллективно с ними можно было бы лучше справиться. Например, гораздо проще предоставить необходимую гибкость работодателям (в вопросах найма и увольнения сотрудников), когда существуют механизмы, обеспечивающие уволенных работников страховкой от безработицы и профессиональной переподготовкой. По сути, такие механизмы перераспределяют риск безработицы между всеми членами общества, а не взваливают неподъемные издержки на граждан и домохозяйства.

Такие же выводы можно применить и к сфере ухода за детьми, к здравоохранению и к помощи престарелым. Например, для работодателей нет особого смысла брать на себя расходы на декретный отпуск. Финансируемый государством отпуск по уходу за новорожденными позволил бы достичь той же самой цели, но одновременно уменьшил бремя для малых предприятий и позволил бы выровнять игровое поле для мужчин и женщин на рынке труда.

Точно так же для каждого будет намного эффективней и менее затратно, когда риски, связанные со здоровьем, распределяются среди широкого круга населения. Такое обобществление рисков оказывается еще более эффективным, когда у граждан имеются стимулы снижать собственные риски с помощью диеты и упражнений. А такие меры, как автоматическое включение в пенсионные программы и страхование по уходу в старости, обеспечили бы граждан более надежной защитой в конце жизни, одновременно уменьшив бремя для всех остальных. Именно поэтому Япония и Германия уже сейчас требуют, чтобы у людей была социальная страховка по старости.

Восстановить объединяющие связи

Общественный договор – это не стандартный юридический документ, и нет единого рецепта, который подошел бы столь разным странам, как США, Япония, Чили и Гана. Каждое общество должно определять условия социальной помощи в соответствии со своей уникальной историей и опираться на семьи, компании, общественные организации, а также государство в принимаемых решениях.

Общими для всех стран являются глобальные вызовы, такие как изменение климата и пандемия. Борьба с ними в одиночку непрактична, и решить их будет невозможно без ощущения общей цели. Мы должны признать нашу глобальную взаимозависимость, одновременно соткав новые узы взаимности, которые удерживают целостность наших обществ. Только при наличии нового

общественного договора на национальном уровне (такого, который будет действительно актуален для нашей современной жизни) мы сможем восстановить доверие, необходимое для достижения солидарности внутри стран и между ними.

Copyright: Project Syndicate, 2022.

Минуш Шафик

Лондон

Минуш Шафик (Minouche Shafik) – директор Лондонской школы экономических и политических наук, автор книги «Что мы должны друг другу: Новый общественный договор для лучшего общества» (издательство Princeton University Press, 2021).

